

А. М. Сморгачев

САКРАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЦЕНЗОРСКОЙ ВЛАСТИ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Созданная в 443 г. до н.э. магистратура цензоров являлась весьма своеобразной и в политическом, и в сакральном аспекте. С политической стороны своеобразие цензуры заключалось уже в том, что, относясь к высшим магистратурам (в частности, цензоры обладали так называемыми высшими ауспициями¹), она единственная не имела империя. Выделившись из круга консульских обязанностей, цензура со временем², как считал Ливий, расширила объем своих полномочий, подняла свой престиж и стала вершиной политической карьеры³. Цензоров, как и консулов, избирали на центуриатных комициях⁴. Но с государственно-правовой точки зрения эта магистратура оказывается даже ближе к диктатуре, чем к консулату⁵, ибо была предназначена для выполнения четко определенных задач. Об особом значении цензуры и диктатуры в религиозном отношении свидетельствует количество абдикаций, т.е. отказов от должности, по сакральным мотивам: у цензоров и диктаторов их больше, чем у консулов, даже в абсолютном исчислении⁶. Можно указать еще одно показательное совпадение: во 2 г. до н.э. при посвящении храма Марса Мстителя Ав-

¹ *Gell.* XIII. 15. 4: *Patriciorum auspicia in duas sunt divisa potestates. Maxima sunt consulum, praetorum, censorum.*

² Или уже с самого своего учреждения: *Suolahti J.* The Roman Censors. A study of social structure. Helsinki, 1963. P. 82–84.

³ *Liv.* IV. 8. 2; *Plut.* Flam. 18; *Cato Maior.* 16; *Aem.* 38; *Comparat.* Crass. 2; *Zon.* VII. 19; *Lyd.* Mag. I. 43. О привилегиях цензоров см. *Suolahti.* Op. cit. P. 71.

⁴ *Liv.* XL. 45. 8 (упомянуто Марсово поле, где проходили центуриатные комиции); *Gell.* XIII. 15. 4.

⁵ *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd 1. Aufl. 3. B., 1876. S. 795–796; *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd 2. Abt. 1. Aufl. 3. Lpz, 1887. S. 334; *Kubitschek W.* Censores // *RE.* Bd 3. 1899. Sp. 1903.

⁶ Для консулов известно, с учетом сомнительных случаев, пять таких абдикаций, в то время как у диктаторов – не менее семи, а у цензоров – не менее шестнадцати (в сохранившихся фастах – тринадцать), и это при том, что число лиц, бывших цензорами или диктаторами, значительно меньше, чем тех, кто занимал консульскую должность. У консулов и диктаторов сакральным основанием абдикации была исключительно огрешность в ауспициях при выборах или назначении. Что касается цензоров, в основном это были абдикации из-за смерти коллеги (см. ниже), в то время как огрешно избранными оказались две пары: в 380 г. до н.э. (*Liv.* VI. 27. 5) и в 231 г. до н.э. (*CIL.* I. Ed. 2. P. 24). По неизвестным или не вполне ясным причинам досрочные абдикации обоих цензоров имели место в 92 г. до н.э. (*Fast. Ant.*), 65 г. до н.э. (*Plut.* Crass. 13; *Dio Cass.* XXXVII. 9. 3), возможно, также в 319 (*Broughton T.R.S., Patterson M.L.* The magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Atlanta, 1986 (repr. 1951). Vol. II. N.Y., 1951; Vol. I; P. 154. Not. 2), 64, 61 и 50 годах до н.э. (*Berve H.* Lustrum // *RE.* Bd 13. 1927. Sp. 2051–2052). Не исключено, что в некоторых этих случаях формальной причиной послужила также огрешность при избрании.

густ распорядился, чтобы цензорами, точнее, теми, кто исполнил их обязанности (ὕπὸ τῶν τιμητευσάντων), осуществлялся обряд вбития гвоздя в стену храма⁷ – старинный ритуал, который ранее в известных нам случаях совершали диктаторы в отношении храма Юпитера Всеблагого Величайшего⁸. А ведь логичнее было бы передать указанную функцию консулам (диктатура была законодательно упразднена в 44 г. до н.э.), поскольку именно им предание приписывало ее в некие давние, точно не определенные, времена (Liv. VII. 3. 8).

Об особом сакральном значении цензуры говорят прилагаемые к ней эпитеты. Цицерон (Pro Sest. 55) назвал цензора «священнейшим магистратом» (sanctissimus magistratus)⁹. Ему вторили Дионисий Галикарнасский и Плутарх¹⁰, причем последний ссылаясь на мнение самих римлян¹¹. Однако, как ни парадоксально, столь значимая в сакральном (и политическом) отношении магистратура стала единственной «жертвой» из ординарных магистратур при переходе к Принципату, практически полностью исчезнув как самостоятельная должность¹². Обращает на себя внимание, что уже первый опыт единоличной власти (диктатура Суллы) также сопровождался фактической ликвидацией цензуры, чьи функции были переданы другим магистратурам¹³. Таким образом, цензура оказалась наиболее тесно связанной с республиканским строем, не пережив его, в отличие от консулата.

Парадокс заключается и в том, что несмотря на высокую и, можно сказать, уникальную оценку сакрального значения цензуры обязанности цензоров, имевшие отношение к религии, были весьма и весьма немногочисленны. К важнейшим полномочиям цензоров относилась сдача государственных подрядов, в том числе тех, которые касались религии, в частности, подрядов на строительство и ремонт храмов¹⁴. Однако такие обязанности не имели специфически са-

⁷ Dio Cass. LV. 10. 4. Впрочем, данное распоряжение Августа, по всей видимости, так и осталось без применения: об осуществлении когда-либо этого обряда ничего не известно.

⁸ Liv. VII. 3. 3–9; VIII. 18. 12–13; IX. 28. 6; CIL. I. Ed. 2. P. 22 (491 a.u.c.). Этот обряд четыре (или шесть) раза применялся как магическое средство для прекращения эпидемии и схожих бедствий. Другую версию высказал антиквар I в. до н.э. Л. Цинций, видевший здесь способ подсчета лет: Liv. VII. 3. 6–7, ср. Fest. P. 49L, s.v. clavus annalis.

⁹ Выражение sanctissimus censor у Квинтилиана (Inst. or. IV. pr. 3), имевшего в виду Домициана, явно связано с личностью императора, хотя и не исключено влияние Цицерона, поклонником которого был Квинтилиан.

¹⁰ ἱερῶτατῇ ἀρχῇ (Dionys. IV. 22. 2; Plut. Aem. 38. 7).

¹¹ ἱερά ἀρχή (Plut. Camil. 14. 2).

¹² Август не занимал специально цензорскую должность, но осуществлял соответствующие мероприятия, обладая цензорскими полномочиями (Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 337. Anm. 2; Berve. Op. cit. Sp. 2051–2052). Непосредственно сама эта должность возрождалась в 22 г. до н.э. (цензоры Г. Мунаций Планк и А. Эмилий Лепид), в 47/48 гг. (император Клавдий и Л. Вителлий), в 73/74 гг. (император Веспасиан и Тит), а император Домициан являлся censor perpetuus (Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 338. Anm. 1, 2). Более при Империи цензура не использовалась.

¹³ Cic. In Caes. 8. Анализ см. Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 336.

¹⁴ Cic. Leg. III. 7; Liv. IX. 43. 25; X. 1. 9; XXIV. 18. 10; XXIX. 37. 2; XXXIV. 53. 6; XXXVI. 36. 4, 6; XLII. 3. 7; Plut. Cato Maior. 19. 2. Ср.: Cic. Verr. I. 130; Ad fam. XIII. 11. 1. Глагол locare («сдавать в аренду») обозначал также сакральный ритуал определения и освящения места для будущего храма: Ziolkowski A. The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Roma, 1992. P. 203–208; Сморгков А.М. Этап locatio (сакральные аспекты) при учреждении общественного храма в республиканском Риме // Древний Восток и античный мир. Труды каф. истории древнего мира истор. ф-та МГУ. Вып. 6. М., 2003. С. 46–55. Этот ритуал осуществляли и цензоры, и другие магистраты, т.е. он относился к магистратским полномочиям как таковым, а не являлся специфически цензорским: Сморгков. Этап locatio... С. 47. Прим. 5–9.

кравального характера, являясь частью хозяйственных функций цензоров. В случае необходимости их могли осуществлять консулы (см. прим. 41). Лишь один подряд можно считать сакральным ритуалом, т.е. преследующим прежде всего религиозные, а не хозяйственные цели, – тот, который цензоры сдавали первым, а именно, подряд на окраску суриком статуи Юпитера Капитолийского и кормление священных гусей Юноны при том же Капитолийском храме¹⁵. Кроме того, из государственных доходов первыми ради благого предзнаменования сдавались в аренду доходы от озера, чье название означало прибыль (*lucrum*)¹⁶. По всей видимости, и упомянутый сакральный подряд, касавшийся Капитолийского храма, сдавался прежде остальных ради благого предзнаменования¹⁷. Можно добавить также, что одним из оснований для цензорского замечания служило отсутствие должного внимания к наследственным, т.е. родовым, святыням и могилам¹⁸, – что являлось объектом контроля со стороны понтификов¹⁹, – как и нарушение других моральных норм (лжесвидетельство, неисполнение обязанностей по отношению к родственникам и т.п.)²⁰, связанных с религией.

Названными актами ограничивались сакральные стороны деятельности цензоров, помимо по-настоящему важной в сакрально-политическом плане церемонии *lustrum*. Эта церемония, завершавшая ценз, являлась практически единственной цензорской функцией действительно религиозного характера. Ее учреждение традиция относит к реформам Сервия Туллия²¹, которому приписывалось четырехкратное осуществление церемонии *lustrum* (*Val. Max.* III. 4. 3). После царей *lustrum* шесть раз осуществляли консулы²², а с 443 г. до н.э. – цензоры²³. Постепенно термин *lustrum* стал обозначать промежуток между двумя церемониями (с конца III в. до н.э., как правило, пятилетний), а затем и любой временной интервал²⁴. Здесь, несомненно, сказалась постепенно утверждавшаяся периодичность, хотя и не жесткая, цензов и связанных с ними люстров, а также рост значения государственных арендных договоров, обычно заключавшихся цензорами. Немалую роль сыграло и признание важности обряда для жизни гражданской общины, ведь между обрядом и характером – счастливым или нет – следующего за ним периода видели тесную связь (см. ниже).

Наиболее подробное описание подготовки к церемонии *lustrum* дает Варрон (*LL.* VI. 86–87), чьи сведения представляют собой обширную цитату непосредственно из цензорских документов (*tabulae censoriae*). Как было принято в рим-

¹⁵ *Plut.* QR. 98; *Plin.* NH. X. 51; XXXIII. 111–112. Ср.: *Cic.* Pro Rosc. 56.

¹⁶ *Fest.* P. 108L, s.v. *Iacus Lucrinus*.

¹⁷ *Lange.* Op. cit. Bd 1. S. 815.

¹⁸ *Dionys.* XX. 13. 3; *Fest.* P. 466L, s.v. *stata sacrificia* (отрывок из речи цензора Катона, который по этой причине отнял лошадь у всадника Л. Ветурия).

¹⁹ Соответствующий материал см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 128–136.

²⁰ Источники и комментарии см. *Mommsen.* Op. cit. Bd 2. S. 380. Anm. 1, 2; S. 381. Anm. 4, 5.

²¹ *Liv.* I. 44. 1–2; *Dionys.* IV. 22. 1–2; *Censorin.* XVIII. 13.

²² *Liv.* III. 3. 9; 24. 10; *Dionys.* V. 20; 75; 3; VI. 96. 4; IX. 36. 3; XI. 63. 2; *CIL.* P. 16 (280 a.u.c.).

²³ Следует сразу оговориться, что достоверность сведений о ранних цензах и цензорах по вполне понятным причинам оценивается в историографии весьма различно. Но для исследования сакральных сторон цензорской власти как таковой признание или отрицание учреждения цензуры именно в 443 г. до н.э. и тому подобные вопросы имеют второстепенное значение, ибо такое исследование, посвященное религиозной характеристике объекта, изучает черты относительно постоянные и консервативные, отражающие скорее мировоззрение и системные принципы, чем политическую историю.

²⁴ Анализ этой эволюции см. *Berve.* Op. cit. Sp. 2045, 2055, 2057–2058.

ской политической практике, в ночь накануне осуществления *lustrum* один из цензоров совершал ауспиции (*ibid.* 86), чтобы испросить согласие Юпитера на проведение данного обряда в данный день. Затем через глашатая – сначала в *templum*, где совершалась ауспикация, а затем со стен (города) – созывались граждане (*ibid.* 86, 87). На рассвете цензоры, писцы и магистраты умащались, приходили преторы и плебейские трибуны, а также прочие граждане, приглашенные глашатаем, после чего цензоры бросали жребий, кому из них проводить *lustrum* (*ibid.* 87). Затем создавалось новое священное пространство (*templum*) уже для проведения церемонии *lustrum* (*ibid.*). На этом заканчивались подготовительные мероприятия. Непосредственно сама церемония состояла в том, что римские граждане выстраивались по центуриям на Марсовом поле, после чего вокруг них трижды проводили кабана, барана и быка (*suovetaurilia*), которых затем приносили в жертву Марсу²⁵. Ради благого предзнаменования, как было принято в таких случаях, цензоры следили, чтобы те, кто вел животных, имели «счастливые» имена²⁶. При жертвоприношении один из цензоров возносил молитву богам, испрашивая от них милость и помощь римскому народу: *ut populi romani res meliores amplioresque facerent* («чтобы они сделали государство римского народа лучше и обширнее»). В 141 г. до н.э. цензор П. Сципион Младший, согласно рассказу Валерия Максима (IV. 1. 10), изменил формулу молитвы: *ut populi romani res perpetuo incolumes servent* («чтобы они всегда сохраняли государство римского народа нерушимым»). Одновременно произносились обычные для римлян в таких ситуациях обеты на следующий цензорский период²⁷. Троекратное обведение жертвенных животных вокруг войска представляло собой магический круг, который имел широкое распространение в римском культе²⁸. После совершения сакрального обряда цензор отводил граждан, построенных по центуриям, под знаменем с Марсового поля в город (*Varro. LL. VI. 93*).

Удивительно, но в источниках нет упоминания об участии жрецов в столь важном сакральном обряде. Интересная гипотеза Л.Л. Кофанова о руководящей роли понтификов при жертвоприношении во время *lustrum*²⁹ все же основана на двух неверно интерпретированных пассажах Феста (в сокращении Павла) и Сервия. Фест (р. 50L) поясняет особый тип жертвоприношений (*caviares*), которое совершалось в присутствии (или «от имени») коллегии понтификов каждые пять лет: ...*ponebatur in sacrificio pro collegio pontificum quinto quoque anno*. Однако сам термин *lustrum* здесь не упомянут, а пятилетний срок между люстра-

²⁵ *Liv. I. 44. 1–2; Dionys. IV. 22. 1–2* (ошибочно упомянут козел вместо кабана); *Varro. RR. II. 1. 10; Cic. De or. II. 268; Serv. Ad Aen. VIII. 183. Cp.: Liv. VIII. 10. 14; Fest. P. 372–374L, s.v. solitaurilia; Val. Max. IV. 1. 10.*

²⁶ *Cic. Div. I. 102; Fest. P. 108L, s.v. Lacus Lucrinus; Plin. NH. XXVIII. 22.*

²⁷ *Val. Max. IV. 1. 10 (votum verecundia); Suet. Aug. 97. 1.*

²⁸ *Boehm. Lustratio // RE. Bd 13. 1927. Sp. 2030–2039; Burris E.E. Taboo, magic, spirits. A study of primitive elements in Roman religion. N.Y., 1931. P. 165–171; Rüpke J. Die Religion der Römer. Eine Einführung. München, 2001. S. 101.*

²⁹ Кофанов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI– IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 65–66; *он же*. Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII– III вв. до н.э. М., 2006. С. 253–254. Вынужден заметить, что имеющаяся во второй монографии Л.Л. Кофанова ссылка по этому поводу на мою работу (прим. 704 на с. 253) не соответствует ее содержанию: я никогда не высказывался в том смысле, что понтифики «совершали над жертвами наиболее важные ритуальные обряды», и этот вывод не вытекает из приведенного мною материала, по крайней мере, с той очевидностью, которая позволяет ограничиться простой сноской без комментария и анализа.

ми являлся скорее теорией, чем практикой³⁰. Кроме того, пятилетний период встречался и при других обетах и священнодействиях, столь же традиционных и периодичных³¹, как и цензорские. Поэтому нет никаких оснований связывать упомянутый Фестом обряд исключительно с цензорским ритуалом *lustrum*: возможны всякие варианты. У Сервия же речь идет о некоем типе жертвоприношения под названием *lustralia*, которое он действительно отнес к цензорскому люстру³². Но затем он приводит другое объяснение, что речь может идти всего лишь о быке пятилетнего возраста. Далее неизвестный автор, дополнивший Сервия, приводит еще два мнения, явно расширяя информацию Сервия. В первом случае указанный тип жертвоприношения отнесен к очищению города раз в пять лет (*Amburbium*?). Лишь во втором варианте названы понтифик и цензор: *lustralia* – «то, что, приняв двумя руками, возлагает на алтарь понтифик или цензор»³³. Упоминание рядом жреца и магистрата отнюдь не означает обязательно их соучастия в одной церемонии, тем более что рассматриваемое действие – возложение жертвенного животного целиком на алтарь двумя руками – равно относится и к понтифику, и к цензору. Соответственно, скорее всего имеется в виду одинаковое особое (обычно ведь на алтаре сжигали лишь часть жертвы) действие в разных церемониях, чем в рамках одной. Косвенно это подтверждается союзом *vel* («или»): сомнительно, чтобы жесткий римский ритуал допустил вариативность при совершении обряда – «либо жрец, либо магистрат». Четыре варианта трактовки термина *lustralia* у Сервия и его продолжателя свидетельствуют, что он не был жестко связан именно с цензорским люстром.

Молчание античных авторов об участии жрецов в церемонии *lustrum* настолько полное, что даже в качестве подсказчика слов (*verba praeire*) цензорского обета упомянут писец (*Val. Max. IV. 1. 10*), хотя это была обычная функция понтификов³⁴. Тем не менее участие авгуров и понтификов в церемонии *lustrum* было бы вполне ожидаемо и оправданно, но формы его можно лишь предполагать³⁵.

³⁰ Достаточно посмотреть на их список, например, в таблице у Г. Берве (*Op. cit. Sp. 2047–2052*). Анализ проблемы см. *Piéri G. Histoire du cens a Rome de ses origines à la fin de la République. P., 1967. P. 94–97; Astin A.E. The censorship of Roman Republic: frequency and regularity // Historia. 1982. 31. 2. P. 174–187.*

³¹ *Liv. XXVII. 33. 8; XXX. 2. 8; 27. 11; XXXI. 9. 9 (quinquennialia vota solita)*. Обет спавить Великие игры в честь Юпитера через пять лет в разное время давали городской претор, консул, диктатор, но не цензор. Употребленный Ливием (*XXVII. 33. 8*) термин *lustrum* означает, соответственно, не цензорский обряд, а пятилетний срок, что подтверждается тут же словом *quinquennium* (*ibid.*).

³² *Serv. Ad Aen. VIII. 183: Lustralibus aut pinguibus: moris enim fuerat completo lustru pingues victimas offerre censes.*

³³ *Serv. auct. Ad Aen. VIII. 183: Alii proprie 'lustralia' dicunt quae duabus manibus accepta in aram pontifex vel censor inponit: quae non prosecantur.*

³⁴ *Liv. IV. 27. 1; VIII. 9. 4; IX. 46. 6; X. 28. 14; XXXI. 9. 9; XXXVI. 2. 3; XLII. 28. 9; Varro. LL. VI. 61; Cic. De dom. 133; Tac. Hist. IV. 53; CIL. III. P. 306. № 1933 (lex arae Iovis Saloniatae).*

³⁵ Поэтому явно выходит за рамки наших знаний утверждение Л.Л. Кофанова (*Lex et Ius... С. 253*), что «общеизвестна роль понтификов при проведении очистительного жертвоприношения *lustrum*...». Напротив, их роль совершенно не известна, как бы ни хотелось обратного. Столь же голословно в силу отсутствия каких-либо данных и мнение Я.В. Мельничука (Некоторые аспекты римского сакрального ритуала *lustrum* (II) // Древнее право. 2003. №1(11). С. 55) о руководящей роли великого понтифика при жертвоприношении в ходе люстра в доцензорский период.

Lustrum осуществляли, естественно, ближе к окончанию срока цензорских полномочий³⁶, поскольку перепись граждан и их имущества требовала подготовки и времени. Эта сакральная церемония являлась заключительным этапом ценза, проведение которого было первоначальной и важнейшей задачей цензоров. Однако не каждый ценз завершался люстром³⁷: могли помешать либо абдикация обоих цензоров, либо смерть одного из них (см. ниже), либо иные препятствия. Всего за республиканский период на 77 пар цензоров приходится 57 случаев проведения lustrum³⁸. Согласно распространенному в историографии мнению, результаты ценза получали юридическую силу лишь после этого ритуала³⁹. Иных, появившихся позднее, полномочий цензоров указанное правило не касалось⁴⁰, поэтому их могли исполнять и другие магистраты, в частности, в отсутствие цензоров государственные контракты и арендные договоры заключали консулы⁴¹. Таким образом, по своему значению lustrum являлся сакрально-политическим актом – такая формулировка точно отражает характер данной церемонии и ей подобных, в которых сакральная и политическая стороны взаимозависимы и тесно взаимодействуют⁴².

О важности люстра говорит то обстоятельство, что проведение его – единственное цензорское (и не только) мероприятие, которое отмечалось в фастах⁴³, если не считать абдикаций, также являвшихся сакрально-политическим актом. Тем не менее прямых указаний на юридическое значение люстра для завершения ценза в источниках нет. Как правило, исследователи ссылаются на риторический вопрос, поставленный Цицероном: когда раб получает свободу ex censu – сразу при внесении в цензовые списки или же после совершения lustrum⁴⁴? Ответ

³⁶ Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 352–354.

³⁷ См., например, ценз 214/213 гг. до н.э.: Liv. XXIV. 43. 4.

³⁸ См. таблицу у Г. Берве (Op. cit. Sp. 2047–2052), а также замечания Ливия (X. 47. 2) и Цензорина (XIII. 14).

³⁹ Lange. Op. cit. Bd 1. S. 813; Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 332–333; Herzog E. Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd 1. Lpz, 1884. S. 789; Kubitschek W. Census // RE. Bd 3. 1899. Sp. 1918; Leuze O. Zur Geschichte der römischen Censur. Halle, 1912. S. 65–66; Berve. Op. cit. Sp. 2046–2047; Siber H. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952. S. 218; Suolahti. Op. cit. P. 46, 71–72; Piéri. Op. cit. P. 82–87, 91–93; Wiseman T.P. The census in the first century B.C. // JRS. 1969. 59. P. 64–65. Некоторые сомнения в возможности практической реализации этого сакрально-правового требования, но не возражения против самого его наличия высказал Я.В. Мельничук (Ук. соч. С. 59–60, 62).

⁴⁰ Lange. Op. cit. Bd 1. S. 798–799; 813; Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 336. Anm. 2, 348, 359, 419, 425; Berve. Op. cit. Sp. 2054; Siber. Op. cit. S. 218; Wesenberg G. Zur Frage der Kontinuität zwischen königlicher Gewalt und Beamten Gewalt in Rom // ZSS. Rom. Abt. 1953. 70. S. 70–71; Suolahti. Op. cit. P. 54; Astin A.E. Censorships in the late Republic // Historia. 1985. 34. 2. P. 176, 180. Not. 2; P. 183–184. Иное мнение высказал Л.Л. Кофанов, связавший с жертвоприношением lustrum заключение государственных договоров с откупщиками, выплату земельных налогов за аренду общественной земли или скота и т.п.: Кофанов. Обязательственное право... С. 65–66; он же. Lex et Ius... С. 253–254, 264. Однако почему-то он счел это оригинальное предположение общеизвестным фактом, не нуждающимся в доказательствах, и полностью проигнорировал действительно общепризнанную концепцию, представленную в работах известных ученых, указанных в начале примечания.

⁴¹ Источники и анализ см. Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 336. Anm. 4; 350–351, 426–427; Kubitschek. Censores... Sp. 1904; Berve. Op. cit. Sp. 2054–2055.

⁴² Большое внимание «сакрально-профанному» (в такой формулировке) единству люстра уделил в своей статье Г. Берве (Op. cit. Sp. 2041–2043, 2045–2046, 2056).

⁴³ CIL. I. Ed. 2. P. 16 (280 a.u.c.); 18 (351 a.u.c.); 20 (391 a.u.c.); 21 (436, 442, 447 a.u.c.); 22 (474, 489 a.u.c.); 23 (550 a.u.c.); 24 (502, 507, 520, 524, 529 a.u.c.); 25 (555, 560, 565, 570, 575, 580, 585, 590, 595, 600 a.u.c.); 26 (607, 612, 618, 646 a.u.c.).

⁴⁴ Cic. De or. I. 183:...cum quaeritur, is, qui domini voluntate census sit, continuone, an, ubi lustrum sit conditum, liber sit.

та он не дает – это не было целью данного пассажа, ибо здесь у Цицерона речь шла о важности изучения права для ораторов, для обоснования чего он и привел ряд спорных и сложных казусов в качестве примера. Конечно, уже сама постановка такого вопроса говорит о юридическом, соответственно, и политическом значении церемонии *lustrum*, но оставляет открытым вопрос о его обязательности. Более подробно эта же тема – соотношение *manumissio ex censu* и *lustrum* – рассмотрена в отрывке из сочинения какого-то римского юриста классического периода, который помещен в хрестоматию грамматика IV в. н.э. Досифея (§ 17)⁴⁵. К сожалению, фрагмент подвергся обработке, поэтому, по определению автора статьи в *Real-Encyclopädie*, «он находится в безнадежно запутанном состоянии»⁴⁶. Но его общий смысл и содержание не вызывают сомнения. Наибольшее значение для рассматриваемой проблемы имеет в данном отрывке объяснение причин возникновения этого вопроса: *quod ideo quaesitum, quoniam omnia [quae] in censum aguntur lustris confirmantur* («этот вопрос потому и возник, поскольку все, [что] касается ценза, утверждается посредством люстра»). Соответственно, как справедливо заметил Т. Моммзен, эта контroversия не ставила вопрос: являлся ли люстр обязательным условием для приобретения цензом юридической силы – это было само собой разумеющимся, но с какого дня отсчитывать свободу, если люстр имел место⁴⁷.

Кроме того, в пользу особой значимости люстра для завершения ценза и придания ему сакрально-правовой силы, на мой взгляд, говорит грамматическая структура формул, использованных Титом Ливием при упоминании *lustrum*: *is (suovetaurilibus. – A.C.) censendo finis factus est* (Liv. I. 44. 2); *censebantur lustris* (ibid. IX. 19. 2); *eo lustris censa sunt*⁴⁸. В этих фразах *suovetaurilia* и *lustrum* (*lustra*) стоят в Abl. instrumenti⁴⁹, т.е. поясняют благодаря чему совершается ценз. Такое же выражение употреблено в «Деяниях божественного Августа»: *quo lustris censa sunt (civium Romanorum capita)*⁵⁰. Мне представляется, что выражение «этим люстром переписано (столько-то граждан)» подразумевает не отождествление люстра и ценза⁵¹ как результат семантической эволюции, а отражение того важного обстоятельства, что результаты ценза получали юридическую силу именно вследствие – Abl. instr. – совершения сакральной церемонии *lustrum*. Граждан все же переписывали в ходе ценза, а не люстра, соответственно, последний лишь утверждал результаты ценза. Впрочем, в ряде случаев термин «*lustrum*», может быть, действительно подменял понятие «*census*» (и другие цензорские функции)⁵², что вполне естественно, ибо он являлся завершающим и важнейшим актом деятельности цензоров.

⁴⁵ Об этом фрагменте см. *Jörs. Dositheanum fragmentum* // RE. Bd 5. 1905. Sp. 1603–1605.

⁴⁶ Ibid. Sp. 1604.

⁴⁷ *Mommsen*. Op. cit. Bd 2. S. 333. Anm. 3. Однако остается сложный вопрос, как обстояло дело с утверждением цензовых актов в случае длительного отсутствия люстра, что имело место, в частности, в I в. до н.э.: *Wiseman*. Op. cit. P. 69–70; *Astin*. *Censorships...* P. 185–186.

⁴⁸ Liv. I. 44. 2; XLV. 15. 2; Per. 3; 14; 18; 20; 98. На эту формулу обратил внимание еще Ж. Пьери, справедливо считавший, что результаты ценза представлены в ней как следствие люстра, а не ценза (Op. cit. P. 91).

⁴⁹ Эту мысль по поводу грамматической формы *lustris* высказал Я.В. Мельничук (Ук. соч. С. 60. Прим. 29), но предложенный им здесь же перевод отрывка из Ливия (IX. 19. 2) в действительности выражает Abl. temporis, а не instrumenti: «В ходе люструма насчитали 250 тыс. человек».

⁵⁰ RGDA. II. 3–4; 6; 10. См. также *Tac. Ann.* XI. 25.

⁵¹ *Munus census agendi* (sc. *lustrum*): TLL. Vol. VII. 2. P. 1882. 47–62.

⁵² См.: *Cic. Ad Att.* IV. 16. 8 (сп. 9.1); *CIL*. I. Ed. 2. P. 143. № 13 (поскольку назначение принцепса сената не имело отношения к люстру).

О большом значении, которое римляне придавали обряду *lustrum*, свидетельствуют связанные с цензурой некоторые религиозные предписания и ограничения, возникшие на основе прецедентов в виде различных бедствий и несчастий, поскольку религиозное чувство римлян объясняло их недолжным образом проведенным обрядом *lustrum*.

Одно из них касается принципа коллегиальности, который в цензуре соблюдался, пожалуй, наиболее последовательно⁵³. В частности, выборы только цензорской пары шли до тех пор, пока центуриатные комиции не избирали обоих цензоров, которых, соответственно, одновременно объявляли избранными (*Liv. IX. 34. 25*, ср. *XXIII. 23. 2*). К указанному принципу относится и ограничение, наложенное на цензуру из религиозных опасений: в отличие от других магистратур в случае смерти одного цензора другой (так называемый суффект) вместо него не избирался, поэтому оставшийся должен был сложить свои полномочия. Для этого запрета традиция указывает сакрально-политический прецедент. В 392 г. до н.э. на место умершего цензора был выбран новый, т.е. указанное правило еще не действовало⁵⁴. *Lustrum* явно провели, поскольку Дионисий (*I. 74. 5*), занимаясь хронологическими изысканиями, упоминает проведенный ценз, причем ссылается на лично прочитанный цензовый список, хранившийся в частном архиве и относившийся к указанному году. Поскольку ценз без проведения люстра не имел силы, то хранить такие данные не имело бы смысла. Плиний Старший (*NH. XXXIII. 16*) приводит число граждан в цензовых списках на момент взятия Рима галлами, что также можно связать с ближайшим, т.е. названным, цензом и люстром. Этому выводу противоречит указание Феста (*500L, s.v. tributorum conlationem*), что до взятия галлами Рима пятнадцать лет не было ценза. Его указание не совсем точное: ценз и *lustrum* имели место и в 402 г. до н.э.⁵⁵ Пожалуй, лишь К. Белох исходя из данного свидетельства Феста сомневался в историчности цензуры 393/392 гг. до н.э.⁵⁶, хотя сама она подтверждается фастами⁵⁷. Как бы то ни было, согласно традиции позднее назначение цензора-суффекта признали противоречащим религии на том основании, что в наступивший период, также именуемый *lustrum*, Рим был захвачен галлами⁵⁸. Сомнительно, чтобы неугоден богам оказался непосредственно акт доизбрания цензора – это было обычной практикой. Но участие цензора-суффекта в сакральном ритуале *lustrum* вполне могли признать обстоятельством, которое нарушало должный порядок ритуала, что вызвало гнев богов⁵⁹. И впрямь, как отметил Ливий, более уже никогда не избирали нового цензора на место умер-

⁵³ *Lange*. Op. cit. Bd 1. S. 796; *Mommsen*. Op. cit. Bd 2. S. 339, 358; *Suolahti*. Op. cit. P. 30–31; *Kukofka D.-A.* Cass. Dio 40, 63–64 zur Kollegialität der römischen Zensoren // *Historia*. 1991. 40. 1. S. 119–120; *Bunse R.* Die frühe Zensur und die Entstehung der Kollegialität // *Historia*. 2001. 50. 2. S. 146–148, 158–162.

⁵⁴ Этот случай избрания цензора-суффекта отражен в фастах: *CIL. I. Ed. 2. P. 19 (361 a.u.c.)*.

⁵⁵ *CIL. I. Ed. 2. P. 18 (351 a.u.c.)*.

⁵⁶ *Beloch K.J.* Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. B., 1926. S. 80. Основательные возражения см. *Gabba E.* Roma arcaica. Storia e storiografia. Roma, 2000. P. 154–158.

⁵⁷ *CIL. I. Ed. 2. P. 19 (361 a.u.c.)*. К сожалению, не сохранилась та часть, где должно было находиться указание на проведение люстра.

⁵⁸ *Liv. V. 31. 6–7* (*C. Iulius censor decessit; in eius locum M. Cornelius suffectus, quae res postea religioni fuit, quia eo lustro Roma est capta*); *IX. 34. 20; 21. Ср. Plut. Camil. 14.*

⁵⁹ Ведь и в отношении власти консулов-суффектов римляне испытывали некоторые религиозные сомнения: *Сморчков А.М.* Сакральные ограничения консульского империя // *ВДИ*. 2006. № 4. С. 154–168.

шего⁶⁰ – яркий пример сакрально-правового прецедента и показатель значимости осуществляемой цензорами церемонии, того напряженного внимания, с которым относилось к ней религиозное чувство римлян⁶¹.

Сохранилось интересное указание Диона Кассия, что цензору перед завершением ценза запрещалось видеть мертвое тело, т.е. именно перед *lustrum* (τὸ καθάρσιον), а если это случалось, то все его действия теряли силу (Dio Cass. LIV. 28. 4). Соответственно, он уже не мог проводить *lustrum*. Вполне возможно, что с этим запретом, который отражает сакральное значение люстра, также связаны религиозные основания для отказа цензора от власти в случае смерти коллеги.

В 380 г. до н.э. после смерти одного и отказа другого цензора от должности попытались выйти из ситуации путем избрания новой пары цензоров. Однако эти цензоры-суффекты оказались избраны огрешно и также отказались от должности (Liv. VI. 27. 5). Более такие попытки не предпринимались, а выборы новых цензоров откладывались, как минимум, до следующего года⁶².

Похожая ситуация имело место и ранее, еще при консульских цензах. Согласно сообщению Ливия, в 460 г. до н.э. *lustrum* не стали проводить в силу религиозных опасений, а именно, поскольку в этом году был захвачен Капитолий (в результате заговора), что привело к его сакральному осквернению (Liv. III. 17. 3; 11; 18. 10), и поскольку при этом погиб консул (ibid. 22. 1). Таким образом, чрезвычайные политические события были восприняты как препятствие для сакрально-политического ритуала, хотя ценз был уже проведен. Люстр, закреплявший его результаты, состоялся лишь на следующий год (ibid. 24. 10).

Имеется и поздний случай сакрального запрета вследствие прецедента. Из религиозных соображений запрещалось без разрешения авгуров переносить уже назначенный день проведения обряда на более ранний срок. В качестве доказательства этого правила Вераний, автор «Книги ауспий о комициях» (конец Республики – начало Империи), приводит *lustrum* при цензорах Л. Юлии Цезаре и П. Лициния Крассе (89/88 гг. до н.э.), который из-за такого переноса оказался несчастливым (*parum felix*)⁶³. Не исключено, что здесь также сами события по-

⁶⁰ Liv. V. 31. 7; IX. 34. 17; 21. Отдельные случаи смерти одного цензора и абдикации другого см.: Liv. VI. 27. 4; XXIV. 43. 4; XXVII. 6. 18; Plut. QR. 50. Это обстоятельство отмечалось в капитолийских фастах выражением *in magistratu morte evenit*: CIL. I. Ed. 2. P. 24 (501, 518 a.u.c.), 26 (645 a.u.c.).

⁶¹ Сказанное не исключает и политико-правовых причин запрета на доизбрание цензора (см. Mommsen. Op. cit. Bd 1. S. 216. Anm. 2; Bd 2. S. 341; Suolahti. Op. cit. P. 79), но показательно, что в традиции под этот запрет подведено именно религиозное обоснование.

⁶² См. события 210–209 гг. до н.э.: Liv. XXVII. 6. 18; 11. 7. Цензоры избирались подряд также в 319 и 318, 253 и 252, 231 и 230, 109 и 108, 65 и 64 гг. до н.э.

⁶³ Referri diem predictam, id est anteferri, religiosum est, ut ait Veranium in eo, qui auspiciorum de comitiis: idque exemplo conprobat L. Iuli et P. Licini censorum, qui id fecerint sine ullo decreto augurum, et ob id lustrum parum felix fuerit (Fest. P. 366L). *Lustrum* 89 г. до н.э. отмечен также в фастах из Антия. Утверждение Цицерона об отсутствии ценза при этих цензорах (Cic. Pro Arch. 11), отвечавшее интересам его клиента – поэта Архия, создает определенную проблему, но не позволяет отвергнуть данные фаст и Феста: Berve. Op. cit. Sp. 2051–2052; Broughton, Patterson. Op. cit. Vol. II. P. 32; Suolahti. Op. cit. P. 450. Подробный анализ ситуации, прежде всего с точки зрения авгурального права, см. Linderski J. The Augural Law // ANRW. II. 16. 3. B.–N.Y., 1986. P. 2186–2190. Может быть, из-за названного религиозного нарушения результаты ценза 89 г. до н.э. были аннулированы – по аналогии с законами, принятыми вопреки ауспициям: ibid. P. 2187–2188. Не исключены и политические причины предполагаемого аннулирования: Wiseman. Op. cit. P. 63–64.

служили основанием для запрета. Использованный Веранием термин *religiosus* обозначал неформализованное религиозное опасение, нередко возникавшее как раз вследствие имевшего место прецедента⁶⁴.

Таким образом, сакральные ограничения, наложенные на цензуру, свидетельствуют о тесной связи, по мнению римлян, между обрядом *lustrum*, единственным сакральным мероприятием цензоров, и следующим за ним периодом. Эта связь касалась и личности тех, кто проводил *lustrum*. Выбор цензора, которому предстояло осуществить эту церемонию, определялся, как обычно, жеребьевкой⁶⁵. Вполне возможно, что в случае патрицианско-плебейской пары цензоров определенное преимущество имели цензоры патрицианского происхождения⁶⁶. Не известно, было ли оно на первых порах после допуска плебеев к этой должности (351 г. до н.э.) формальным, но постепенно различие отошло на задний план, и в 279 г. до н.э. впервые *lustrum* был осуществлен цензором из плебеев (*Liv. Per.* 13).

Связь цензоров с *lustrum* была сложнее, чем просто поручение одному из них осуществить его. Ливий в связи с проведением обряда иногда называет обоих цензоров (либо никого)⁶⁷, несколько чаще одного⁶⁸. Но в целом он далеко не всегда сообщает даже о самом факте проведения *lustrum*. Из двадцати цензорских *lustra*, приходящихся на первую декаду его труда⁶⁹, он упоминает только три⁷⁰, причем не называя имени цензора, проводившего *lustrum*. Конечно, легко допустить, что для ранних этапов Ливий мог не иметь сведений, кто конкретно осуществлял обряд. Но и для лучше известных времен ситуация не меняется. В частности, Ливий не сообщает о люстре при цензорах 184/183 гг. до н.э. Л. Валерии Флакке и М. Порции Катоне, хотя при них этот обряд, несомненно, имел место: есть соответствующее указание в фастах (*CIL. I. Ed. 2. P. 25*), и ему была посвящена речь Катона «*De lustris sui felicitate*» (*Paneg. Lat. VIII. 13*). Не отражен он и в эпитафиях. Причем сама эта цензура привлекла довольно пристальное внимание историка в связи с личностью Катона⁷¹, что позволяет говорить о сознательном умолчании, а не отсутствии у Ливия сведений или краткости изложения. В рассказах античных авторов о цензуре Флакка и Катона явно преобладает интерес к жестко проведенному цензорами составлению списков сената и всадников⁷².

Также нет сведений у Ливия о проведении *lustrum* в 178 и 168 годах до н.э., хотя об этом имеется упоминание в эпитафиях и фастах⁷³, а сами цензовые акты указанных лет явно получили юридическую силу⁷⁴, следовательно, должны были завершиться обрядом. В первом случае все внимание Ливия заняла яркая сцена примирения цензоров, бывших заклятыми врагами⁷⁵. Во втором, возможно,

⁶⁴ *Fest. P.* 348–350L, s.v. *religiosus*; *P.* 82L, s.v. *fulguritum*; *Gai.* II. 6; *D. I.* 8. 6. 4; 5 (*Marc.*); *Inst.* II. 1. 9; *Cic. Ad Att.* IX. 5. 2; *Gell.* IV. 9. 5–6 (где цитируется указанный отрывок из письма Цицерона к Аттику); *Liv.* V. 40. 8.

⁶⁵ *Liv.* XXXVIII. 36. 10; *Varro. LL.* VI. 87. Ср.: *Liv.* XXVII. 11. 11 (9–12).

⁶⁶ *Mommsen. Op. cit.* Bd 2. S. 358. Anm. 1; *Suolahti. Op. cit.* P. 31, 46; *Bunse. Op. cit.* P. 158–161.

⁶⁷ *Liv.* X. 9. 14; 47. 2; XXVII. 36. 6. Ср.: III. 24. 10; IX. 19. 2; XL. 46. 8.

⁶⁸ *Liv.* XXIX. 37. 6; XXXV. 9. 2; XXXVIII. 36. 10; XLII. 10. 1; *Per.* 13. То же при консулах: *Liv.* III. 3. 9.

⁶⁹ *Liv.* X. 47. 2, ср. III. 24. 10. Пояснения см. *Berve. Op. cit.* Sp. 2049–2050, Anm.

⁷⁰ *Liv.* IX. 19. 2; X. 9. 14; 47. 2.

⁷¹ *Liv.* XXXIX. 40; 41. 1–4; 42. 5–11; 43; 44. 1–9.

⁷² *Liv.* XXXIX. 42. 5–44. 1; *Per.* 39; *Nep. Cat.* 2. 3; *Val. Max.* II. 9. 3; IV. 5. 1; *Plut. Cat. Mai.* 17–18; *Flamin.* 18–19; *Vir. ill.* XLVII. 4; LIII. 3.

⁷³ *Liv. Per.* 41; 45; *CIL. I. Ed. 2. P. 25* (575, 585 a.u.c.).

⁷⁴ *Liv.* XL. 51. 9; XLV. 15. 1–8.

⁷⁵ *Liv.* XL. 45. 6–8; 46. Ср.: *Cic. Prov. cons.* 20; *Val. Max.* IV. 2. 1; *Gell.* XII. 8. 5–6.

упоминание о *lustrum* пришлось на лакуну (Liv. XLV. 14. 9), хотя необязательно. Никакого интереса у Ливия не вызвала цензура знаменитого П. Корнелия Сципиона Африканского (199/198 гг. до н.э.), не отмеченная яркими событиями⁷⁶. Соответственно, состоявшийся люстр не упомянут, в том числе в эпитамах⁷⁷. Так что дело не в отсутствии сведений, а в специфике ливиевого стиля: его внимание не привлекали обычные, повторяющиеся, всем известные политические акты, даже весьма важные, если они не сопровождались какой-либо конфликтной ситуацией или чем-то необычным. Что касается имени цензора, проводившего церемонию *lustrum*, то оно должно было где-то фиксироваться, о чем свидетельствуют встречающиеся у Ливия точные указания. Поскольку речь идет о сакрально-правовом акте, то можно предположить фиксацию в понтификальных анналах.

Показательно, что в эпитамах тех книг, где Ливий все же назвал, кто провел *lustrum*, данная информация сокращена до обычной в эпитамах общей фразы «цензорами осуществлен *lustrum*»⁷⁸. Точно так же и в фастах не указывалось, кто из цензоров провел этот обряд. По мнению Я. Суолахти, отмеченное молчание фаств о том, кто из цензоров осуществлял *lustrum*, является следствием того, что ценз был совместным делом обоих коллег⁷⁹. Об этом же свидетельствует встречающееся у Ливия упоминание имен обоих цензоров в связи с проведением *lustrum* (см. прим. 67). Тот же смысл заложен и в обращении сенаторов к цензорам 179/178 гг. до н.э. с пожеланием «единодушно и единомысленно выбрать сенат, проверить всадников, провести ценз, осуществить *lustrum*» (Liv. XL. 46. 8). Первые два мероприятия действительно требовали согласия цензоров, обладавших здесь правом взаимной интерцессии⁸⁰. Но в том же ряду оказывается проведение ценза и завершающего его обряда *lustrum*. Конечно, эта речь Кв. Цецилия Метелла – плод риторического творчества Ливия, но исходить последний должен был из реалий цензорской деятельности, когда касался конкретных практических деталей. Так же следует относиться и к любопытному объяснению Сервием слова *ambulustrum*: *quod non licebat nisi ambos censores post quinquennium lustrare civitatem* (Serv. Ad Aen. I. 283). Здесь явно замечен поздний взгляд на цензуру, и само объяснение, скорее всего, ошибочно⁸¹, но, как и в случае с речью Кв. Цецилия, оно не могло быть плодом чистого вымысла. Соответственно, Сервий должен был отразить некую реальность (хотя и с неточностями), а именно, участие обоих цензоров в церемонии *lustrum*.

Таким образом, осуществление церемонии *lustrum* воспринималось как дело обоих цензоров, хотя одному из них принадлежала ведущая роль. Этим соучастием цензоров в проведении люстра объясняется, помимо прочего, и вышеназванный запрет на доизбрание коллеги – ведь цензор-суффект также должен быть задействован в ритуале. Однако цензоры не могли одновременно выполнять одно и то же действие в рамках одного акта – это противоречило римскому пониманию коллегиальности. Наглядным примером такого понимания является

⁷⁶ Liv. XXXII. 7. 3; XXXIV. 44. 4.

⁷⁷ Указание на *lustrum* при этих цензорах имеется в фастах: CIL. I. Ed. 2. P. 25 (555 a.u.c.).

⁷⁸ Liv. Per. 29, 38, 42. Эпитама книги 35 не упоминает о цензорах. См. другие случаи упоминания *lustrum* в эпитамах: 3; 10; 11; 14; 16; 18–20; 27; 41; 45–48; 54; 56; 59; 60; 63; 98. Имя цензора названо только в эпитамах книги 13-й, поскольку тогда впервые *lustrum* осуществил плебей.

⁷⁹ Suolahti. Op. cit. P. 31.

⁸⁰ Cic. Pro Cluent. 122; Liv. XXXII. 7. 3; XL. 51. 1; XLII. 10. 4; XLV. 15. 8; App. BC. I. 28. Ср.; Liv. XXIII. 23. 1, 4. См. также Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 358–359; Bunsen. Op. cit. S. 147.

⁸¹ Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 413. Anm. 1.

избрание для посвящения храма двух человек (*duumviri aedi dedicandae*), хотя посвящал храм один, соответственно, лишь его имя указывалось в связи с учреждением храма. О роли второго дуумвира нет сведений, но какое-то значение, конечно, имел и он. Также роль одного цензора, кому выпал жребий и чье имя непосредственно связывалось с этим обрядом, считалась основной. Но и второй цензор при этом не бездействовал и должен был выполнять важные функции, сопоставимые с функциями первого.

Специфика сотрудничества цензоров в рамках единого сакрального акта является при анализе цензуры П. Сципиона Эмилиана и Л. Муммия (142/141 гг. до н.э.). Сведения античных авторов о том, кто из них проводил люстр, противоречивы. С одной стороны, в рассказе Валерия Максима о знаменательном изменении, внесенном Сципионом в цензорскую молитву при совершении люстра, ясно говорится, что именно Сципион провел *lustrum*: «Африкан, (будучи) цензором, когда проводил люстр и во время жертвоприношения кабана, барана, быка писец стал подсказывать ему торжественный текст молитвы из общественных книг...»⁸². Эти сведения имеют весьма высокую степень достоверности: изменение текста официальной молитвы, как утверждает Валерий Максим, было внесено в цензорские книги и, таким образом, документально зафиксировано.

Но, с другой стороны, Цицерон приводит слова самого Сципиона, где осуществившим *lustrum* цензором назван, напротив, Муммий: «Как Африкан сказал Азеллу, обвинявшему этот люстр в несчастьях: “Не удивительно – ведь осуществил люстр и принес в жертву быка тот, кто вытащил тебя из эрариев”»⁸³. Об этом обвинении рассказывал в своих стихах еще Луцилий, современник и друг Сципиона: «Великого Сципиада обвинял бесчестный Азелл в том, что люстр при этом цензоре был злополучным и несчастливым»⁸⁴. Обращает на себя внимание употребление Луцилием и Цицероном одинакового глагола *obicere*. И хотя, строго говоря, Луцилий не называет того, кто осуществил *lustrum*, но совпадения повышают уровень достоверности информации Цицерона, как и относительно небольшой разрыв во времени между ним и самим событием.

Таким образом, мы имеем два совершенно противоположных утверждения, в которых трудно сомневаться. Причем каждый источник, помимо прямого указания, что именно соответствующее лицо провело *lustrum*, упоминает дополнительно тот или иной элемент этого ритуала: Валерий Максим – что Сципион при совершении (кем?) жертвоприношения⁸⁵ произнес молитву богам за благополучие римского народа, а Цицерон, цитируя Сципиона, – что Муммий принес

⁸² *Africanus ... qui censor, cum lustrum conderet inque solitaurilium sacrificio scriba ex publicis tabulis sollemne ei precatonis carmen praeiret* (*Val. Max.* IV. 1. 10). Не могу не отметить удивительное нагромождение ошибок и нелепиц в недавно изданном переводе части сочинения Валерия Максима (*Максим Валерий. Достопамятные деяния и изречения* / Пер. с лат. С.Ю. Трохачева. СПб., 2007), где, например, в данном отрывке Сципион Младший превратился в «молодого Сципиона» (хотя цензором он стал в 43 года), а произносящим молитву за благополучие римского государства оказался вдруг некий писец, ритуал же *lustrum condere* – просто «составлением списков» и т.п.

⁸³ *Ut Asello Africanus, obicienti lustrum illud infelix, «Noli», inquit, «mirari; is (sc. Mummus) enim qui te ex aerarii exemit lustrum condidit et taurum immolavit»* (*Cic. De or.* II. 268). Тиб. Клавдий Азелл из всадников был переведен Сципионом в эрарии, но с этим не согласился Муммий, и Азелл сохранил свой статус. Азелл на следующий год стал плебейским трибуном (140 г. до н.э.) и привлек Сципиона к суду (*Cic. De or.* II. 258; 268; *Gell.* II. 20. 6; III. 4. 1; IV. 17. 1; VI. 11. 9).

⁸⁴ *Lucilii ex XI. versus sunt: Scipiadae magno improbus obiciebat Asellus, Lustrum illo censore malum infelixque fuisse* (*Gell.* IV. 17. 1).

⁸⁵ По всей видимости, *solitaurilia* (согласно эмендации К. Кемпфа).

в жертву быка. Фест, рассматривая происхождение названия тройного жертвоприношения *solitaurilia*, приводит мнение, основанное на том, что важнейшей частью этого обряда является принесение в жертву быка⁸⁶. Соответственно, под принесением в жертву быка следует понимать все жертвоприношение *solitaurilia* (*pars pro toto*), которое и совершил Муммий. Данное обстоятельство, т.е. дополнительные сведения, также говорит в пользу доверия этим взаимопротиворечащим сообщениям. Правда, имеются серьезные возражения против достоверности основной фабулы рассказа Валерия Максима⁸⁷, в первую очередь, поскольку трудно допустить возможность произвольного изменения текста общественной молитвы. Но отрицание изменения молитвы Сципионом еще не означает, что он вообще ее не произносил. А именно эта деталь рассказа Валерия Максима имеет значение для данного исследования. И хотя в историографии преобладает мнение, что *lustrum* 141 г. до н.э. осуществил Л. Муммий⁸⁸, сведения Валерия Максима все же нельзя просто отвергнуть – их необходимо объяснить и найти им место в картине цензорского *lustrum*.

Мне представляется ввиду ярко выраженной коллегиальности этой магистратуры, что ответственность за *lustrum* несли оба цензора. Поэтому в рассказе Цицерона Азелл смог бросить обвинение Сципиону в несчастливом *lustrum*, хотя сам Цицерон явно считал, что *lustrum* провел Муммий, спасший Азелла от цензорского наказания. Противоречие в источниках разрешается, если признать, что оба цензора участвовали в церемонии *lustrum*, но совершали при этом разные действия, а именно, Муммий принес в жертву кабана, барана и быка (*solitaurilia*), Сципион же в этот момент (как сказано у Валерия Максима, *in sacrificio* – «во время жертвоприношения») вознес молитву-обет. Таким образом, можно согласовать между собой свидетельства Валерия Максима и Цицерона в полном соответствии с римским пониманием коллегиальности, когда даже общее мероприятие считалось делом одного из коллег, например, у консулов – того, кто в этот день обладал *auspicia*.

Ключевым, по всей видимости, считалось совершение жертвоприношения *solitaurilia* (*suovetaurilia*), поэтому *lustrum* 141 г. до н.э. справедливо связывают с име-

⁸⁶ *Fest*. P. 372L. 23–26, 33–36: *sunt quidem qui putent, ex tribus hostiis praecipue nomen inclusum cum solido tauri, quae amplissima sit earum*. О соотношении терминов *suovetaurilia* и *solitaurilia* см. *Scholz U. Suovetaurilia und Solitaurilia // Philologus*. 1973. 117. 1. S. 3–28; однако вывод У. Шольца о принесении в жертву во время *lustrum* только быка (S. 21–28) не представляется мне убедительным.

⁸⁷ См. аргументацию А.Е. Эстина с соответствующим историографическим анализом: *Astin A.E. Scipio Aemilianus*. Oxf., 1967. P. 325–331.

⁸⁸ *Berve*. Op. cit. Sp. 2051–2052; *Suolahti*. Op. cit. P. 397; *Astin*. Scipio... P. 119. Иное мнение: *Scullard H.H. Scipio Aemilianus and Roman Politics // JRS*. 1960. 50. P. 68. Not. 38; *Scholz*. Op. cit. S. 26–27. Стремясь связать *lustrum* со Сципионом, эти исследователи предположили, что в ответе Азеллу Сципион в ироническом смысле употребил третье лицо по отношению к самому себе, а не к Муммию. К убедительным контраргументам А.Е. Эстина (*Scipio... P. 327*) добавлю лишь, что весьма странным было бы употребление Сципионом по отношению к себе выражения «кто выгасил (*exemit*) Азелла». В лучшем случае следовало бы ожидать: «кто вынужден был выгасить», ибо своим спасением Азелл целиком обязан вету Муммий. Кроме того, обвинение Азелла ни в изложении Цицерона, ни в изложении Луцилия, строго говоря, не относит совершение церемонии *lustrum* исключительно к Сципиону: «этот *lustrum*» у Цицерона, «*lustrum* при этом цензоре» у Луцилия. Не исчезает при общепринятой трактовке этого пассажа и юмористический подтекст, о котором говорил Цицерон. Отмечу также, что У. Шольц, наиболее убежденный сторонник иной трактовки, в своем анализе проигнорировал и аргументы Скалларда, и контраргументы Эстина, хотя их работы были им упомянуты в предварительном обзоре.

нем Л. Муммия. Такой вывод отвечает римской религиозной практике, где важнейшую роль играл именно обряд. Конечно, неправильно произнесенная молитва лишалась своей силы, и боги ее не «слышали». Но ошибки в обряде имели более страшные и опасные последствия, ибо грозили гневом богов в виде знамений и бедствий. Об этом же свидетельствует и наиболее подробное описание процедуры люстра у Ливия, который практически сводит *lustrum* к обряду *suovetaurilia*. Рассказывая о завершении Сервием Туллем первого ценза, Ливий (I. 44. 2) отмечает по поводу войска, построенного по центуриям на Марсовом поле: *ibi instructum exercitum omnem suovetaurilibus lustravit, idque conditum lustrum appellatum, quia is censendo finis factus est* («там он очистил все построенное войско посредством суоветаурилий, и это названо осуществленный люстр, поскольку ими кладется конец проведению цензу»). Ливий явно приравнивает *lustrum condere* («провести люстр») к очищению войска посредством жертвоприношения *suovetaurilia*, дважды употребив последний термин в Abl. instr.: *suovetaurilibus; is(=iis)*. Другими словами, *lustrum* оказывается тем же, что и жертвоприношение *suovetaurilia*⁸⁹.

У Цицерона и Луцилия в рассказе об обвинении Азелла термин *lustrum* употребляется в двойном значении – как обряд и как период, причем оба эти смысла тесно взаимосвязаны и плавно перетекают друг в друга. Несомненно, Азелл имел в виду несчастья в период (*infelix lustrum*) после цензуры Сципиона, но также ясно, что они явились следствием недолжным образом – *non rite* – исполненного ритуала (*infelix lustrum*)⁹⁰. Такой взгляд характерен для религиозного мышления. О личной ответственности за «качество» проведенного люстра говорит упоминавшееся название одной из речей М. Порция Катона – «*De lustris sui felicitate*». Автор панегирика (начало IV в. н.э.), вспомнивший эту речь, связывал с цензорами изобилие и процветание наступающего периода: «Ведь уже тогда, в той старинной республике, к заслугам цензоров относилось, если они осуществляли счастливый люстр (*lustrum felix condidissent*), если урожай наполнял амбары, если изобиловали виноградники, если оливковые сады щедро приносили плоды» (Paneg. Lat. VIII. 13). Как следует из этой связи между обрядом и периодом, наступающим после него, *lustrum* играл важную роль в деле установления и поддержания мира с богами (*pacis deorum*), что, пожалуй, можно назвать основой римского религиозного мировоззрения. Об особом значении люстра в жизни общества говорит перечисление событий, которые, по мнению Веррия Флакка, приносят радость: «У народа уменьшается скорбь, когда посвящают храм, когда цензоры провели *lustrum*, когда исполнен общественный обет, а у частных лиц – когда рождаются дети, когда в семью приходит почет, когда отец или дети, или муж, или брат возвращаются домой из вражеского плена, когда девушка просватана, когда родился более близкий родственник, чем тот, кто оплакивается, когда наступает пост в честь Цереры и при любом радостном событии»⁹¹.

⁸⁹ Указанное свидетельство Ливия опровергает мнение Л. Дойбнера, считавшего *lustrum* и *suovetaurilia* разными этапами одного акта: *Deubner L. Lustrum // Archiv für Religionswissenschaft*. 1913. 16. S. 132. Anm. 2.

⁹⁰ То же самое означало выражение *parum felix* в отношении люстра 88 г. до н.э. (Fest. P. 366L. 13): *Linderski. Op. cit.* P. 2188.

⁹¹ *Minuitur populo luctus aedis dedicatione, cum censores lustrum condiderunt, cum votum publice susceptum solvitur; privatis autem, cum liberi nati sunt, cum honos in familia<m> venit, cum parens aut liberi, aut vir, aut frater ab hoste capitis domum redit, cum <puella> desponsa est, cum prop[ri]iore quis cognatione quam is, qui lugetur, natus est, cum in casto Cereris est, omnique gratulatione* (Fest. P. 144L). Ср. весьма близкое изложение этой леммы Павлом Диаконом (ibid. P. 145L). О запрете траура на некоем ежегодном священнодействии в честь Цереры, которое осуществляли римские матроны, упоминает Ливий (XXII. 56. 4; XXXIV. 6. 15). См. также *Val. Max.* I. 1. 15; *Fest.* P. 86L, s.v. *Graeca sacra*; *Plut.* Fab. 18.

Праздничный характер перечисленных здесь общественных и частных событий (посвящение храма, выполнение обета, рождение детей, получение должности и т.п.) вполне понятен и современному человеку. Но в этом ряду стоит и проведение цензорами ритуала *lustrum*, что отражает собственно римские представления.

Важное религиозно-политическое значение ритуала *lustrum* обусловило особую сакральную ауру магистратуры цензоров, хотя их полномочия в области религии сводились практически только к нему одному. Можно говорить об уникальности этого обряда, как и цензовой переписи, завершением которой он являлся. Надлежащее осуществление его давало юридическую силу результатам ценза и тем самым определяло экономическую, социальную и политическую жизнь римской гражданской общины, не говоря уже о религиозном влиянии. В силу особой значимости люстра к цензорам предъявлялись дополнительные требования сакрального характера (запрет избирать суффектов, видеть труп, переносить день люстра), ведь, по мнению римлян, от обряда зависел характер периода до следующего люстра. Здесь можно увидеть аналогии, если не пережитки, известной в этнографии фигуре «священного царя». В обряде участвовали оба цензора, выполняя взаимодополняющие функции, оба несли ответственность за него. Но при этом роль того, кому выпадал жребий, считалась главной, и его имя связывали с проведением люстра. В соответствии с римским религиозным мировоззрением ключевым считалось совершение обряда жертвоприношения. В церемонии *lustrum* наглядно проявился характер взаимодействия политических и сакральных принципов, на которых строилась республиканская система управления древнего Рима.

CENSORS' SACRAL AUTHORITY IN THE ROMAN REPUBLIC

A. M. Smorchkov

The article analyses religious requirements and authority connected with censorship, an office whose sacral meaning was considered as being higher than that of the magistrates. The greatest attention is paid to *lustrum*, a sacral and political ritual that had highest importance for the life of the civic community, being a legal sanction of the *census*. Its religious meaning was connected with the belief that duly (*rite*) performed ceremony ensured prosperity till the next *lustrum*. This explains some sacral restrictions: censors were subjected to: the prohibition to elect a censor instead of the deceased one, to see a dead body, to defer *lustrum*, etc. These restriction had developed from precedents, i.e. the cases when the ritual and the period thereafter had been considered inopportune (*infelix lustrum*). Both censors were responsible for the due performance of the rite, though only one performed it by lot. The character of censors' co-operation during the sacral act is analysed for the cases of P. Scipio Aemilianus' and L. Mummius' censorship (142/141 BC). The analysis shows that one of the censors uttered the vow, and the second performed the *suovetaurilia*. It was the offering that was considered essential, in accordance with Roman religious practice. Hence, it was the name of the second censor that was connected with the whole of the ceremony. In this ceremony one clearly can see interaction of political and religious principles characteristic of the republican system in Rome.